

The background of the book cover is a composite image. The top half features a dark blue sky with a white contrail from an airplane streaking across it. On the right side, a portion of the Earth's horizon is visible, showing a blue sky and white clouds. The bottom half of the cover shows a city skyline at dusk or dawn, with buildings reflected in a body of water. A large, bright blue rectangular area is overlaid on the top half, containing the author's name and the title.

Алекс Дроздов

Флеш ГЕТТ

18+

Алекс Дроздов

Флэш ГЕТТ

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Дроздов А.

Флэш ГЕТТ / А. Дроздов — «ЛитРес: Самиздат», 2011

Что произойдёт с нашим миром, если все физические константы изменятся?

1. Прототип.

Бывают места, где достаток и благополучие соседствуют с нищетой и грязью. На Маросейке таким местом был перекрёсток с Кривоколенным переулком. Кафе «Ласточка» находилось в глубине двора, а на улице оставалась только вывеска с Г-образной стрелкой: «Дешёвые обеды». Здесь всегда бывало шумно, смрадно, а вечерами и небезопасно. Обычные посетители – рабочие с фабрики «Бон Кримс» (кириллицей), продавцы из ларьков, журналисты издательского дома «Пресс-Москва», «иностранцы» из ближнего зарубежья, бомжи, опустившаяся интеллигенция, проститутки, первогодки-гаишники.... Восемнадцать столиков в зале, разделённом аркой надвое, две официантки в белоснежных чепчиках и серых передниках, древний промышленный вентилятор в форточке, открытой круглый год.

Мухи, висящие ленты коричневых липучек, кухонная жара, запах подгоревшего масла. Музыкальный автомат с бесконечной монотонной скороговоркой Сiага, румяные пирожки с капустой и неизвестным мясом, масляная плёнка в чашке растворимого кофе. Владелец кафе хачик Карен окупил дело через шесть месяцев после открытия – на мясе со скотомогильника и просроченных консервах.

Но всё же это было лучшее кафе для тех, кому глубоко плевать на имидж, кто вечно торопится делать своё дело.

Здесь можно было наесться до отвала за 150 рублей, а то и дешевле. Шеф-повар Азиз, гордость персидского залива, мог шутя приготовить из неликвидов блюдо, на вкус почти не отличимое от стряпни, предлагаемой вам в относительно приличных заведениях.

...Андрей сидел за столиком прямо под вентилятором. Жужжание огромных, как у винта Титаника, лопастей не раздражало. Даже напротив, приносило некоторую пользу – частично заглушало вопли Сiага. Он уже закончил обед, но торопиться в редакцию не было нужды.

Пасьянс не сходился.

Карты сдавались уже битых полчаса, и Андрей стал замечать, что в последнюю сдачу выпадала одна и та же комбинация – два туза, девятка, две четвёрки, семёрка три короля и валет. Ни одной карты нельзя было переложить, включая стопки. Он знал, что так не бывает, и, вероятно, ошибался при запоминании комбинации. Какие-то карты ложились всё же иначе, он не помнил. Или нет?

Ноутбук он держал на коленях, отхлёбывая кофе. Это было опасно – Андрей знал себя. Только чудо спасало клавишу от того, чтобы не быть залитой из чашки, проносимой над ней. А с другой стороны, ноутбук давно уже просился на свалку – он не включался без лёгкого удара рукой в район винта.

– Мужчина, можно бутылочку?

Слово «мужчина» прозвучало с чётким разделением звуков «ж» и «ч», как это делают иностранцы. Но произнесший их не был иностранцем. На вид лет пятьдесят, может чуть больше. Невысокого роста мужичок, как говорят про таких – «соплёй перешибёшь», одет в когда-то неплохой костюм натуральной шерсти. На локтях пиджак давно изменил цвет и фактуру, а стрелок на брючинах не наблюдалось уже лет десять, не меньше. Высокий лоб, большая

залысина, глаза, посаженные близко к переносице, оттопыренные уши пожилого вундеркинда, на удивление чисто выбрит.

Что ещё?

Руки. Такие бывают у пианистов и скульпторов, но только не у бомжей – даже столичных.

Андрей оглянулся; пустая бутылка нашлась под столом. Он протянул её «скульптору».

– Благодарю вас, – бутылка была взята осторожно, с подчёркнутым уважением. Андрей подвинул по скользкой поверхности стола ещё одну – по направлению к «скульптору».

– Эту тоже возьми.

На лице мужичка нарисовалось недоумение.

– Но она... полная?

– Возьми, я не буду пить.

Скульптор колебался, чувствуя подвох.

– Возьми, возьми, дарю!

Бутылка была схвачена, и бомж сделал чуть не реверанс.

– О, спасибо вам наше, господин! Спаси вас господь, спаси вас господь!

Брякнул сотовый, и одновременно с этим пискнул ноутбук – пришло письмо. Андрей посмотрел на табло телефона – от Лерки. Письмо тоже было от неё. Нужно срочно ехать и забирать её с Остожёнки на Варшавское шоссе. Он ожидал этого, что-то в этом роде должно было случиться сегодня.

Если подпрягли к нему саму Лерку.

...Он издали заметил её – Лерка торчала на обочине, как цветная каланча. Одевалась она так, что стилижный галстук пятидесятых «пожар в джунглях» выглядел рядом с её прикидом серым платочком бессменной вахтёрши редакции тёти Миры.

Лерка плюхнулась на тёплое сиденье с наслаждением – на улице уже накрапывал дождь, и задувал московский ветер.

– Вот ты не слишком широкий пояс надела? – Андрей показал глазами на её юбку.

Лерка прыснула.

– Дрюш, не скафни, так надо. На дорогу смотри лучше, зай.

Андрей отклеил машину от тротуара и влился в поток, думая о том странном мужичке в кафе. Он знал, что сейчас самое время привести сознание в состояние покоя, этого требовала предстоящая работа. Образ мужичка для этого подходил как нельзя лучше.

– Сигаретаньку дай, – Лерка смотрела в зеркальце, извлечённое из недр сумочки. Сигареты лежали перед её носом, она увидела их и ткнула в прикуриватель своим вампирским ногтем.

У неё была отпадная фигура. Не просто красивая – а абсолютно-модельная, как у какой-нибудь Памелы Андерсон. В редакции она числилась неизвестно кем, но зарплату получала регулярно и нехилую. О Лерке ходили всякие слухи, которые периодически перепроверялись её кандидатами в френды с упорством, которому позавидовал бы Шерлок Холмс, но всегда без результатов. Она была в принципе чиста, как задница ангела. Что говорить – сам шеф, глотая густую тягучую слюну, готов был продать душу дьяволу, лишь бы коснуться её бедра, но Лерка была неприступна как Шамбала. Кроме того, у неё был совершенно стервозный характер. Она могла запросто дать под дых любому нахальному типу прямо в редакции, а то и ткнуть бычком в распушенно блуждающую руку. Ещё ходили слухи, что она была замужем раз пять, и что у неё любовник какой-то член. То ли правительства, то ли это сам Лужков, то ли его зам... Сама Лерка же слухи не подтверждала и не опровергала, только хитро улыбалась, как это делают все натуральные стервы.

Но работала она всегда виртуозно – её и ценили всерьёз все коллеги, и этим фактом мигом затыкались самые язвительные рты. Андрей видел её и в качестве оператора, она брала интервью, и даже замещала главного, когда он болел, правила вёрстки и принимала репортажи. И швец, и жнец. И всё же главное её достоинство было в ином.

– Дрюш, позвони шефу, – Лерка курила в приоткрытое окно.

– Да ну его. Так Расскажи, сама. Мне бы к семи домой успеть, а?

– Успеешь. На Пречистенке важного старикана замочили.

– Ну и что? На кой нам деды и их победы?

– Дрюш, ну я здесь при чём? Ну что ты как маленький...

– Ладно, ладно... Ну и?

– Я сама тебя взяла – цени. А ты нос морщишь.

Злить её – себе же рыть яму.

Она скосила глаза, как это делают самки, и у Андрея побежали мурашки. Нет, это просто ведьма натурально. Если она вот прямо сейчас захочет – разве вырвешься?

– Менты приехали, посмотрели, и сразу вызвали следака по особо важным. Ну и ты там посмотри, понюхай. Пока...

– А ты-то где инфу взяла?

Лерка усмехнулась.

– Андрей Владимирович, рулите, и не суйте свой эээ... так называемый нос туда, куда не туда. Взяла значит взяла – где надо взяла. Переулок Тихонова, 12.

Они уже подъезжали к месту.

-. Ты меня высади тут, а сам просочись во двор.

Дождь не переставал моросить, и она, вылезая, раскрыла зонт.

Андрей въехал в арку двора. Дом №12 оказался старым двухэтажным особняком. Первый этаж был кирпичный, второй – деревянный. Крашеная когда-то масляной краской обшивка почернела и перекосилась от времени, грозя рухнуть гнилушками на землю. У единственного подъезда топтался милиционер. Он крутил на пальце ключи от жёлтого уазика, стоящего прямо под окнами первого этажа и курил.

Андрей вылез из машины – они приехали раньше следственной группы. Лерка появилась почему-то совсем с другой стороны, из глубины двора, со своим нелепым зонтиком она была похожа на стаканчик с тропическим мороженым. У неё на лице мастерски написалась вселенская глупость. Нет, нагибаться в такой юбке нельзя!

Они подошли к сержанту одновременно, но он заметил только Лерку, и выронил ключи.

– Ой, молодой человек, а что здесь случилось? – протянула она, округлив глазюки.

– Э, да вот, девушка...Здесь, ну...

И в этот момент Андрей спокойно вошёл, едва не задев мента плечом.

В подъезде было темно, как в погребе. Дверь в квартиру на первом этаже – открыта, и он вошёл, стараясь не топтать громко. В коридоре горела лампочка свечей в 15. Справа – вероятно кухня. Дальше, тоже справа – дверь открыта.

Он заглянул туда.

На полу посреди комнаты лежало тело. Андрей услышал голоса идущие из глубины комнаты, но самих разговаривающих не было видно. Убитый лежал в неестественной позе, скрутившись в клубок, поджав под себя ноги. Крови не видно, но под столом и правее него Андрей заметил несколько гильз – на вид предположительно от ТТ. Седая голова с длинными спутанными волосами выделялась белым облачком во мраке комнаты. На старинном письменном столе стоял дорогой монитор, клавиатура, но системного блока не видно – отсоединённые провода свисали с края стола. Повсюду были разбросаны бумаги, на которых угадывались какие-то схемы. Большая этажерка с книгами, стоящая поперёк комнаты, разделяла её на две части, и голоса слышались из-за неё. Часть книг лежала в беспорядке на полу.

Андрей хотел уже тихонько проникнуть в комнату с намерением осмотреть листки со схемами, но его внимание привлёк запах. Совсем лёгкий запах разлагающейся плоти. Боковым

зрением он заметил ещё одну дверь. Что-то его толкнуло к ней, какое-то внутреннее чутьё. Он сделал шаг и тотчас увидел у двери на полу какой-то предмет, размером с зажигалку. Ну да, это зажигалка... Он поднял её и сунул в карман, и затем толкнул дверь.

Повеял сквозняк.

Эта комната имела в ширину около трёх метров, в длину же в три раза больше. Возможно, её удлинители за счёт смежного помещения. Полы частично были разобраны, и вглубь, в подвал уходил мощный бетонный фундамент прямоугольной формы. На фундаменте высилась странная конструкция, напоминающая сочленённые ракетные сопла. С одной стороны была устроена некая камера, и к ней подходили сотни медных трубок различного диаметра. «Иерихонская труба» сплошь была обвешана какими-то приборами непонятного назначения. Всё остальное пространство комнаты тоже было завалено приборными ящиками, жгутами проводов, деталями различных машин... Из-под пола к электрощиту был подведён толстый кабель, четыре жилы из которого толщиной в руку были приварены аргоновой сваркой непосредственно к клеммам контактора. Прямо перед дальним раструбом трубы стоял таз на табурете с тёмной жидкостью. Под табуретом валялись какие-то куски, предположительно внутренних органов животного – Андрей плохо различил. Ближе к двери стоял стол, какие часто выбрасывают на помойку – с фанерной треснутой столешницей. Туда падала более густая тень, и Андрей включил свет.

Потрескав, зажглись две мощные неоновые лампы.

Стол, покрашенный когда-то светло-коричневой краской, был завален прелюбопытными предметами.

Вот всё, что успел разглядеть Андрей:

Шлем римского легионера, половина немецкой каски времён второй мировой войны, ворох полуистлевших рукописных бумаг, обломок весла, совсем новые части прятки, часть (вероятно) ноги кабана. Из неё капала кровь на пол, образуя лужицу. Ближе к краю лежал автомат ППШ. Его ствол был согнут, словно тряпичный, он свешивался со стола и качался от сквозняка. Рядом с автоматом – полицейская сабля, которая вела себя точно так – свешивалась, словно она была сделана из мягкой гуттаперчевой резины. На куске мяса стояло блюдо с настоящим кремово-бисквитным тортом, двухъярусным, и в центре этого торта высилась человеческая голова.

Глаза смотрели прямо на Андрея, осмысленно и с интересом. Ему показалось, что рот этого лица вот-вот расплывется в улыбке.

Андрей глотнул воздух, сильный спазм внезапно сжал его грудь. Перед глазами поплыли оранжевые круги, он схватился рукой за косяк, и в этот момент свет в странной комнате погас – чья-то рука повернула выключатель...

Он обернулся.

Перед ним стоял лейтенант и ещё двое в гражданской одежде. Один из них, видимо старший, резко повернулся к лейтенанту:

– Кто это? Кто пустил?

Андрей уже пришёл в себя. Он достал из нагрудного кармана удостоверение журналиста.

Старший, не читая, молча передал удостоверение омоновцу.

– Отведите его в машину.

В полумраке коридора блеснул ствол пистолета. Нужно было подчиняться.

Уже во дворе Андрей увидел ещё две машины. Два милиционера натягивали на временные столбики полосатую ленту, ещё двое отгоняли въезжавшие машины. Какой-то качок на джипе размахивал корочками с триколором, но его живо оттеснили за арку.

Омоновец подвёл Андрея к машине и стал что-то искать на переднем сиденье, не забывая держать задержанного за рукав куртки. Андрей увидел, как его «Хонда» завелась и развернулась носом на выход, дверь со стороны пассажира щёлкнула замком.

И Андрей что есть силы рванул наискосок, к «Хонде», сметая блок-ленту. Столбики повалились. Когда он дёрнул за ручку двери, за спиной грохнул выстрел. Андрей вскочил в машину, и Лерка дала полный газ – в салоне запахло гарью феррадо. Пуля прошила заднее стекло и вышла через стойку, стекло мгновенно покрылось сеткой трещин, но не рассыпалось.

«Хонда» выпрыгнула из арки на улицу, зацепив какую-то «Газель» бампером, и юзом вписалась в поток.

Лерка вела мастерски.

По дороге в редакцию Андрей рассказал обо всём увиденном Валерии.

– Ну и как ты думаешь, что это была за труба? – спросила она.

– Не знаю. Честно, так меня больше интересует голова.

Лерка скептически пожала плечами и затянулась сигаретой.

– Ты уверен, что она там была, эта голова? Ты много вчера пил, перец?

– Два литра «Ле Барона», и водки... Ты что, забыла? Забыла?

Вчера они вместе были на презентации новых подгузников для взрослых «Товарищ Сухов». Последнее веяние – начинать все презентации ближе к полуночи – не нравилось категорически. Дефиле полуголых девиц, пьяные в стельку звёзды среднего пошиба, гадкие несъедобные тосты, дешёвое пиво. Какие-то толстые мужики в чёрных костюмах жрут крабов руками... У Андрея разболелась голова, и он уехал в три часа.

– Не злись, Дрюш. Ну, я не понимаю, чесслово.

– Да какая разница, была голова, не было, главное чтобы главный всю эту дребедень напечатал. Знаешь, мне всё равно – хоть чёрта в ступе. Заплатит – и ладненько.

Лерка опять покосилась на него.

– Тебе-то всегда платят, а мне не всегда. Наверное потому что ты женщина.

На въезде МКАД их остановил гаишник. Он осмотрел документы, номера на машине, Леркины ноги и отпустил с миром. Андрей, отъезжая, увидел в зеркало, как гаишник что-то говорит по радиации.

Зазвонил сотовый – это был главный.

Главный – Виктор Григорьевич Анипченко, тощий старик с мощными бровями, лысый как резина у старой «копейки», с короткими брючинами из-за подтяжек, которые ему нафиг не были нужны. Постепенно в редакции его отчество за глаза трансформировалось в молдавское «Грэгуарыч», а затем и вовсе в короткое и ёмкое «Ягуарыч». Внешнее сходство соответствовало вполне.

Букву «рэ» он напрочь не выговаривал.

– Ну что там у вас, Андгей? Матегьял есть?

Андрей включил громкую связь.

– Да почти ничего, Григорич. Обычное убийство, старик какой-то ненормальный учёный. Там понаехало начальства, не пробиться.

– Ты не говори мне сказки. Валегия с тобой ездила?

– Григорич, связь плохая. Я через полчаса буду в редакции.

– Андгей, не пудги мозги. Лега с тобой?

– Да всё нормально, Григорич. В двух словах не расскажешь.

В трубке помолчали.

– Ладно, жду вас.

Достоинство шефа заключалось в том, что удивить чем-либо его было невозможно. Он с невозмутимым видом читал материал об НЛО, слушал про барабашек, кивая головой, сосредоточенно делал пометки – когда ему рассказывали о кровавой бойне, устроенной каким-либо маньяком в детсаду. Если бы к нему в кабинет вдруг среди бела дня заявила голая вахтёрша – он бы и бровью не повёл. А посмотреть на что у тёти Миры было.

Он снял материал Андрея и Леры и сказал, что 99 процентов за то, что материал всё же пройдет. Вместе с головами, мясом и прочими потусторонними атрибутами.

– Зайдёшь ко мне завтга. Нет, послезавтга. Нет, я тебе позвоню – намечается командировка.

– В горячую точку?

– В холодную.

– Серьёзно, Григорич?

– Сегёзно. В Ггенландию. Давай, иди. И не выключай телефон.

Это была их последняя встреча.

Он почувствовал что-то, как только вышел из здания редакции. У Андрея было врождённое свойство, он «видел» затылком. Но по улице спешили прохожие, на другой стороне курил продавец книг за раскладным столиком. Киоск с сигаретами, охранник магазина готовой одежды, аптекарь за витриной аптеки... Что-то ещё.

У подворотни, под вывеской кафе «Ласточка» – припаркованная машина, старый БМВ с тонированными стёклами, как говорят – в говно.

Андрей подошёл к своей «Хонде», нажал на брелок.

У БМВ тотчас завёлся двигатель.

Сделав вид, что он раздумал ехать, Андрей снова закрыл машину и пошёл прямо к БМВ. Она сразу тронулась с места и скрылась за углом.

Да-а-а, Андрей Владимирович, вот тебе и простая мокруха...

Постояв в раздумье, он вернулся к машине и достал ноутбук. Нужно было подумать.

...В «Ласточке» был санитарный час. На двери висела соответствующая бумажка: «санитарный час с 17 до 19». То есть, как раз перед вечерним обслуживанием посетителей край как надо было травить этих несчастных насекомых! Андрей посмотрел на часы – без пяти семь. За стеклянной дверью официантка тёрла чёрной тряпкой ближайший стол.

Андрей постучал – сам не понял, зачем. Официантки никогда не открывают раньше положенного времени. Позже – открывают, раньше – никогда.

Девушка посмотрела на него – сквозь дверь, сквозь него, и продолжила. Андрей стал делать знаки, по его мнению, обозначающие голод.

Официантка улыбнулась и впустила его.

Как мало нужно человеку для счастья.

Андрей занял место под вентилятором, она взяла заказ и ушла.

Неужели всё так серьёзно? Может и Лерка права, и была простая галлюцинация? Бывает так, что находит затмение, и обычные вещи принимаются за что-то нереальное, мистическое? А может, это была зона Хартмана? Говорят, что в таких зонах случаются невероятные события, видятся привидения, миражи... Ну да, миражи. Скопление испарений, миазмы, температура, невидимые глазу магнитные поля, генерации... Ему всё ещё было плохо, сильно билось сердце. Чем занимался в этой странной квартире этот странный старик – кажется, его фамилия была Бекман.

Андрей достал пачку сигарет.

То лицо в кремовых розочках было ему знакомо. Где он мог его видеть?

Он включил ноутбук, вошёл в Интернет и набрал в поисковике имя. Через пару секунд на экране появилось изображение мужчины в парике с буклями. Леонард Эйлер. Именно это лицо... На картинке Эйлер хитро улыбался – совсем как там, в комнате.

Андрей прочитал ниже:

$$\ln(\cos x + i \sin x) = ix$$

"Эйлер опубликовал формулу в её привычном виде в 1748 году, построив доказательство на равенстве бесконечных разложений в степенные ряды правой и левой частей. Ни Эйлер, ни Котс не представляли себе геометрической интерпретации формулы: представление о комплексных числах, как точках на комплексной плоскости, появилось примерно 50 лет спустя".

Геометрическая интерпретация являла собой круг с радиусом, разбивающим площадь на сектора. Андрей полез за зажигалкой в карман, но не нашёл её. Пошарив, он обнаружил её в нагрудном кармане, и извлёк.

Это была не зажигалка.

Это была флэшка, по форме напоминающая зажигалку.

Андрей воткнул её в ноутбук.

На экране появился транспарантик с предложением ввести пароль. Жаль, придётся отложить.

Официантка принесла заказ – бифштекс с картошкой, всё было полито сверху рыжей блякой, обозначающей соус. Кафе стало заполняться посетителями, и Андрей, наспех проглотив ужин, вышел на улицу.

...В окно било яркое солнце, на часах значилась половина одиннадцатого. Андрей встал и поплёлся на кухню. На миг возникла мысль, что это не тесная конура на двенадцатом этаже, а взыправдашний пентхаус. Ощущение усиливалось облачно-заоблачным пейзажем за окном и этим противным ярким солнцем. Андрей включил кофеварку, которую использовал как чайник, и стал развивать приятную мысль о пентхаусе.

Он надел халат – единственную очень дорогую вещь в своём гардеробе – и, слегка обнажив бицепс перед зеркалом в ванной, с чашкой кофе вернулся в гостиную. Ну да, гостиную, а почему бы и нет? Ну и что, что спальни как таковой в его квартире не было вообще?

Расположившись на тахте, он лениво поискал пульт от телевизора. Из-под тахты высунулось мурло Вареника.

– Куда ты дел пульт, толстая сволочь?

Андрей его ненавидел по утрам: Вареник за ночь сжирал весь вискас и утром особенно обильно «удабривал» свой туалет.

Пульт нашёлся внутри тапка. По каналам шла реклама, мелькал «дом-2», какие-то жуткие шоу: «...Очевидцев происшествия не было, не смотря на то, что обычно в это время...»

У него возникло предчувствие. Нехорошее предчувствие, и он вернулся к новостям.

«Виктор Анипченко являлся редактором еженедельника «Новое Время». Он был застрелен на лестничной площадке своего этажа, когда возвращался домой вечером, между девятью и десятью часами. Убийца произвёл один выстрел, возможно из бесшумного оружия, никто из жильцов ничего не слышал. Оперуполномоченный капитан Владимир Кириченко ответил, что ещё рано говорить о мотивах убийства, и что следствие...»

Андрей набрал номер Лерки.

– Ты уже знаешь?

– Я всё знаю.

– Что всё? Ягуарыч застрелен.

– То есть?

– Включи телек!

...Через минуту он уже ехал в редакцию. Там уже наверняка что-то знают, и Лерка ехала туда же. Он не мог, как ни старался, связать с чем-либо смерть шефа. Ничего не приходило в голову. Правда, старик был себе на уме, и шустрил ловко – волки были сыты и овцы целы.

В редакции он узнал, что стреляли из винтовки, с крыши высотки, расположенной в другом квартале. Около 800 метров, может и больше. Пулевое отверстие в подъездном стекле не сразу заметили, калибр не превышал спортивный. Это говорило о том... О чём? О чём это говорило?

Это был не простой киллер.

Он нашёл Лерку.

– Где твой Бидон?

– Не бидон, а Питон.

– Мне нужно вскрыть пароль на носителе.

– Он не будет. Хакеры, они ж с прибобоном, – Лерка округлила глаза и покрутила у виска.

Что-то у Андрея крутилось в голове, въедливый маленький волчок. Фраза, слово, имя... Нет, слово.

– Скажи ему, что я плачу.

Лерка набрала номер на мобиле.

– На, сам скажи.

Хакер Питон (что за тяга к эпатажу?) долго трепался про то, какой он гигант, и что по мелочи не работает, и что он обычно вскрывает натовские базы данных в перерывах между безудержным сексом и пивными вечеринками, и что на днях крутые дядьки наняли его за два лимона евро вскрыть пароль Бэнк оф Америка, и что...

Сошлись на тридцатке баксов. Питон назначил сеанс на вечер, поскольку он работал на автозаправке дворником и его не отпускали раньше положенного, и у Андрея оставалась ещё уйма времени.

Учёные определили, что нелюбимая работа является причиной стрессов и нервных заболеваний. Почему-то никто не желает проводить исследования, к каким заболеваниям приводит маленькая зарплата. Какая разница – любимая работа или нелюбимая работа, если деньги не платят? Но человек вечно всем недоволен, и какую бы ни платили зарплату – вероятно, её всегда будет не хватать.

...Квартирка была маленькой, как ни крути. Но можно повесить большие зеркала, и она станет вдвое больше. Можно повесить ещё и с другой стороны – будет втрое больше. Можно.... Нет, там уже нельзя, там окна, какая досада.

Халат был нестерпимо любимым. В нём Андрей чувствовал себя графом, особенно после ванной.

Похороны Ягуарыча будут послезавтра, а больше его ничего не интересовало. Телевизор мерцал без звука, до сеанса с Питоном была пара часов, и Андрей включил ноутбук. Зайдя на уже известную страницу, он прочёл:

«...равенстве бесконечных разложений в степенные ряды правой и левой частей...Комплексные числа как точки на комплексной площади...»

Он перечитал описание несколько раз, силясь понять хотя бы приблизительную причину своего желания вникнуть в суть формулы Эйлера. На кой это нужно?

Из-под дивана вылез пыльный Вареник и потёрся мохнатым мурлом о ногу. Андрей встал, и, стащив с полки пачку Вискаса, всыпал лошадиную дозу в чашку. Вареник сладостно захрумкал, выбирая исключительно подушечки.

Жирная хитрая скотина.

Андрей достал из кармана флэшку и рассмотрел её.

Она была странная, он раньше таких не видел. Тяжёлая, как дорогая зажигалка, чёрного цвета, она имела около восьми сантиметров длины. Почти пополам корпус был разделён вставкой жёлтого металла, над которой ближе к крышке поблескивала надпись: «GETT».

Он вставил её в порт.

На экране снова появилось: «Введите пароль».

Андрей откинулся на спинку дивана и уставился в экран телевизора, думая о том чёрном БМВ. В течение всего дня он уже не мог так, как прежде, легкомысленно колесить по городу, приходилось сосредотачиваться на окружающем пространстве.

Слежка была, без базара. А как это ещё назвать? Они не прикрывались, просто ехали за ним нахально, открыто.

А ещё через месяц начнутся события, которые лучше бы не начинались никогда. Если бы Андрей знал, что всему виной станет эта самая флэшка, он бы никогда не сделал этого...

Экран мигнул, и появилось сообщение о штатном соединении с отдалённым компьютером. В правом верхнем углу закрутилось декоративное колёсико жучка Питона – дешифровка началась.

Андрей сам не заметил, как заснул.

...Жук закончил работу за полночь. Андрей сразу вошёл в аккаунт, сменил пароль и открыл первую страницу первой папки.

В глазах запестрило от формул, кратких пометок, ссылок и длинных пояснений. Расчеты прерывались графиками с достаточно плотной экстраполяцией, почти все кривые на которых отвесно уходили вверх. Иногда попадались схемы, блок-схемы и эскизы чертежей.

Андрей не стал крутить до конца и открыл вторую папку. Здесь были окончательные рабочие чертежи, сотни чертежей. На первом листе он увидел ту самую установку, с Тихонова, 12.

Без специалиста не обойтись.

Он подцепил принтер и распечатал несколько листов с расчётами.

Несмотря на утро, в «Ласточке» было полно народу. Андрей сидел на своём месте, листал новости в Яндексe:

«По крайней мере, мы наведём порядок в сотнях различных теорий, появившихся в последние годы. Образно говоря, большой адронный коллайдер должен вбить верстовой столб, указав, какая же из конкурирующих идей верна. Далее можно ожидать наступления новой эры в понимании рождения и эволюции Вселенной и законов, действующих в микромире фундаментальных взаимодействий. Виктор Матвеев, доктор физико-математических наук, профессор, директор ИЯИ РАН...»

Он что-то вспомнил, и достал первый лист распечатанных расчётов Бекмана. Вот эта формула:

$$E = MV(\cos a + \sin V)^2$$

Тут было что-то знакомое. Андрей силился вспомнить, перетряхивая все свои скудные и уже мутные воспоминания о школьном курсе физики.

Официантка принесла обед – лангет с картошкой, салат и томатный сок. Кажется, её звали Валя. Андрей отбросил листок на край стола и пододвинул к себе тарелку, мельком бросив взгляд в окно. Там на противоположной стороне улицы маячил чёрный БМВ.

«Скульптор» был незаметен. Он сливался с аурой «Ласточки», он был частью её – как столы, как музыкальный автомат, как передники официанток.

Он стоял вполоборота к Андрею и смотрел на листок, лежащий на столике. Руки его дрожали. Затем он выхватил его и повернулся лицом к Андрею.

На глазах Скульптора были слёзы, а губы беззвучно шевелились.

Этот его шок длился недолго.

– Где...Где...

– Что – где? – осведомился Андрей.

– Где вы это взяли?

Первая мысль Андрея была – грубо осадить и послать бомжа подальше, но что-то его остановило.

– Это...моя работа, – соврал Андрей, не моргнув.

– Ваша?

Совершенно неожиданно Скульптор разразился громким трескучим смехом, таким громким, что многие посетители обернулись.

– Ваша? Это МОЯ РАБОТА!

...Они работали с Бекманом вместе.

«Скульптор» – Павел Юрьевич Казанков, кандидат физико-математических наук РАН и его учитель – Борис Оттович Бекман. Область исследований – поле Хиггса, которое силами лучших научных умов было реанимировано из теории Мирового Эфира пятьдесят лет назад. Правда, сейчас это было серьезнее, во много раз серьезнее.

Природа силы тяготения всегда оставалась загадкой, не смотря на то, что сама теория поля как таковая была создана очень давно.

Механизм Андерсона – Хиггса, предложенный английским физиком Питером Хиггсом в 1964 г. и основанный на предположении Филиппа Андерсона, – теория, которая описывает, как приобретают массы все элементарные частицы. Например, он делает W бозон отличным от фотона. Этот механизм может быть рассмотрен как элементарный случай тахионной конденсации, где роль тахиона играет скалярное поле, названное полем Хиггса. Массивный квант этого поля и был назван бозоном Хиггса.

Прорыв Хиггса состоял в том, что масса векторного бозона (иногда называемого калибровочным бозоном) появляется эффективно, в результате взаимодействия определенного типа этого бозона со скалярным полем. Данный механизм был предложен в контексте модели спонтанного нарушения электрослабой симметрии, созданной в попытке объяснить природу сильного взаимодействия. Эти модели были вдохновлены работой Льва Ландау и Виталия Гинзбурга по теории конденсированных сред. Хиггс и другие исследователи разрабатывали этот механизм прежде всего для случая неабелевых групп симметрии.

Наглядно хиггсовский механизм можно было представить следующим образом. Возьмём кусок пенопласта и покрошим его на стол. Мы получим маленькие пенопластовые шарики, которые будут очень легкими. Если мы подуем на них, то они разлетятся. Это и будет аналогией безмассовых частиц, то есть частиц, у которых очень маленькая инертность. Теперь аккуратно нальём на стол воды и покрошим сверху пенопласт и снова слегка подуем на него. Мы увидим, что шарики отплывают, но уже неохотно. Если бы мы не видели воду, нам бы казалось, что у них появилась инертность, которой раньше не было. Эта инертность возникает из-за того, что им при движении приходится продираться сквозь воду. Вода в этой аналогии играет роль вакуумного хиггсовского поля. Если же мы подуем на воду без пенопластовых шариков, то по её поверхности побежит рябь – это будет аналог хиггсовских бозонов. Неточность этой аналогии заключается в том, что вода мешает движению шариков, а хиггсовское вакуумное поле мешает ускорению частиц. На частицы, движущиеся равномерно и прямолинейно, оно не влияет.

«Скульптор» говорил ровным, хорошо поставленным голосом, не прерываясь. Андрей слушал Казанкова, забыв про обед.

– Но меня заинтересовало другое в теории Хиггса. Идея сталкивания протонов не нова, мне стал интересен сам бозон, его природа. Но не в физическом смысле, а в ином.

– В каком?

– Видите ли, молодой человек, поле Хиггса создаётся бозонами. И я усмотрел в этом если не заблуждение, а скорее неточность. Ну, это как следствие считать причиной, а причину – следствием.

Воцарилась пауза. Андрей думал, какое это могло иметь отношение к уголовщине, окружавшей эту тему последние несколько дней. Чистая наука, и не более того. К нему в голову неожиданно пришёл интересный ход, и он, вскинув голову, чётко произнёс:

– Бекман убит два дня назад в своей квартире на Тихонова, 12.

Казанков вздрогнул, как от удара током.

– Где... Где? В своей квартире?

– Да, Тихонова, 12.

Учёный помолчал с минуту.

– Но это вовсе не его квартира. Он жил на Белоцерковской, в доме напротив кинотеатра «Луч». Впрочем...

Скульптор думал ещё минуту.

– А вы? Вы кто будете, юноша?

Андрей сказал.

– Знаете что? Пойдёмте-ка ко мне, я должен вам кое-что показать.

Почему учёные так любят проводить разные исследования и помещать их результаты в журналы, к науке не имеющие отношения? Одна из таких публикаций запомнилась.

Так, на тему интеллектуальной активности был определён возрастной порог в 40 лет, после которого происходит резкое снижение мозговой деятельности человека... Есть мнение, что все великие открытия были совершены до этого возраста, в молодости, а их позднее опубликование связано с тем, что все записи и систематизация делались уже в пожилом возрасте. Очень возможно, очень, но из каждого правила даже природа делает исключения. Она, эта упрямая тётка, не желает подчиняться «венцу» – человеку. Человек всё же становится более пассивным к пожилым годам?

Мы перестаём быть мальчишками.

Когда исчезает кураж, растворяется, сходит на нет, тогда уходит жизненная сила, жажда жизни. В этот момент до смерти остаётся несколько лет или мгновений...

Не теряйте «сумасшедшинку».

Новый знакомый Андрея жил, естественно, в Алтуфьево. А где же ещё жить учёному? Район самый что ни на есть обычный, наводнённый обычными наркоманами и уголовниками. Панельная пятиэтажка в толчее таких же безликих коробок, где не мудрено заблудиться.

Скульптор долго возился с замком.

– Хулиганье, сломали дверь... Ничего не украли, набросали бычков и всё...

Коридор с лохмотьями обоев, давно протёкший потолок. На кухне – двухконфорочная плита, буфет времён царя Леонида, хлипкий стол и два табурета. На столе – пепельница синего стекла, в углу – пустые нетиповые бутылки, забракованные приёмщиком, коробки, пустые банки.

Андрей выставил на стол из пакета привезённое по просьбе Скульптора: бутылку водки, кольцо копчёной колбасы, две банки сардин, блок дешёвых сигарет, ещё что-то....

– Будете? Ах, извините, за рулём... Тогда я, с Вашего позволения.

Хозяин налил водку в гранёный стакан, выпил и откусил кусок колбасы прямо от кольца. Он ел жадно – как ест человек, не евший день или два. Едва насытившись, он закурил и продолжил свой рассказ.

...Были созданы уравнения, но они оказались неинвариантны, что нарушало законы природы. И тогда для объяснения массы калибровочных бозонов без нарушения законов природы стало использоваться понятие спонтанного нарушения симметрии. Вот тогда и было введено дополнительное поле – поле Хиггса, которое взаимодействует со всеми другими полями и через это взаимодействие сообщает массу калибровочным бозонам.

Джеффри Голдстоун предсказал безмассовую скалярную частицу, но она не была обнаружена. Похожей проблемой в теории Янга-Миллса, также известной как неабелева калибровочная теория, было существование безмассовых калибровочных бозонов, которые (кроме фотона) также не были обнаружены. Хиггс был очень проницателен, когда обнаружил, что при соединении калибровочной теории с моделью спонтанного нарушения симметрии две проблемы решаются очень красиво. Хиггс нашел брешь в теореме Голдстоуна: эта теорема неприменима при рассмотрении локальной симметрии. Хиггсовский механизм описывает именно нарушение локальной симметрии, при котором не появляются бозоны Голдстоуна. Вместо квантовых возбуждений хиггсовского поля появляются продольные степени свободы для поляризации калибровочных полей.

Для Хиггса стало очевидно, что имеется множество ненулевых минимумов потенциала (по меньшей мере, окружность минимумов в двух измерениях). Минимумы потенциалов – наиболее выгодное по энергии состояние поля, поскольку в них энергия поля минимальна. Это состояние описывается как основное состояние. Таким образом получается, что поле Хиггса имеет несколько основных состояний, и речь идет о «вырожденном основном состоянии». И ещё речь шла о нарушении симметрии вакуума. Несколько комплексных компонент, то это уже невозможно так просто наглядно представить.

Появление массы интерпретировалось как результат взаимодействий других частиц с «Хиггсовским океаном». Стандартная модель, в особенности теория электрослабого взаимо-

действия, описывается подобными калибровочными теориями. Вакуумное ожидаемое значение хиггсовского поля нарушает локальную $SU(2) \times U(1)$ калибровочную симметрию (величины, подчиняющиеся закону сохранения: слабый изоспин и слабый гиперзаряд), создавая электромагнитную $U(1)$ симметрию (величины, подчиняющиеся закону сохранения: электрический заряд). Из-за этого эффекта три калибровочных бозона (W и Z бозоны) получают массу и продольную степень поляризации. Четвертая степень поляризации хиггсовского поля, которое, являясь $SU(2)$ -дублетом, состоит из двух комплексных = 4 действительных полей, и есть бозон Хиггса.

Андрей слушал и ни черта не понимал. Но Скульптору это было, видимо, безразлично, понимает его Андрей, или не понимает – он говорил с упоением. Сделав паузу, он налил себе ещё полстакана, и, выпив залпом, стал закусывать.

– Ну, и что из этого следует? – осведомился Андрей.

– Как что? Разве вы не поняли?

– Нет.

Скульптор округлил глаза.

– Хиггс предсказал, предвосхитил открытие нового мира – мира слабой энергии, доселе пребывающего под семью печатями. Он рубил окно в запредельное, но...

– Да, адронный коллайдер – я слышал об этом.

– Адронный коллайдер – чушь несусветная, молодой человек. Они собираются создать бозон столкновением протонов высокой энергии. Это всё равно что делать художественный шедевр простым бездумным наляпыванием краски на полотно! Да, и зачем его создавать, когда всё пространство наполнено ими и без коллайдера? Какой в этом смысл? Доказать теорию Хиггса? Так я вам вот что скажу – Хиггс ошибся в главном. Он думал, что бозоны создают массу.

– А разве не так?

Скульптор поджал губы.

– Нет. Бозоны сами обладают массой, но не всегда. Они – порождение двух миров, мира энергии с одной стороны, и мира материи – с другой, как и фотоны. Но фотон может существовать без источника света, а бозон без материи не может. Он живёт вблизи больших объектов, очень больших. Таких, как Земля. Я смею предположить, что ядро Земли состоит целиком из бозонов.

Но иногда они вырываются, и тогда теряют массу. В этом случае их век недолог, но учитывая то, что земля пронизана ими, этот процесс непрерывен. В момент потери массы бозоны выбрасывают квант энергии, образуя поля. Это поля неоднородны, несимметричны. Сканировать такое поле – и была идея. Моя идея, я и сделал необходимые расчёты.

– Зачем же их сканировать? – Андрей усмехнулся.

– Зачем...Зачем... Тогда мы тоже не задумывались – зачем. Знаете, Бекман был моим руководителем, и мы... Мы проводили в лаборатории всё время, ночевали там... Да, а потом и началась эта...конверсия. Словом, лабораторию закрыли, Бекман уехал в Новосибирск – там ему обещали место, он надеялся продолжить работу. Ну, а Ваш покорный слуга остался, что называется, без средств. Квартиру пришлось обменять на эту вот, да и с работой не получалось. То продавцом, и машины мыл, и на заправках, и ещё вот...бутылки, разное. Да многие из наших сейчас не у дел, но я не жалею.

Андрей почувствовал разочарование. На кой он послушал сумасшедшего? Нужно было чалить домой.

– А сканер я всё же сделал, знаете. Но это было потом.

Казанков вскрыл ловко ножом банку сардин, и вилкой подцепил один кусок.

– Я назвал его ГЕТТ. Генератор естественной торсионной турбулентности.

– Как, простите?

Учёный налил ещё водки в стакан, выпил и стал закусывать. Что-то подсказало Андрею, что уходить всё же рано.

– Так вот, молодой человек. Мы тогда не знали, к чему это приведёт, и что следовало ожидать. Я, знаете ли, не верил в разного рода теории относительно параллельных миров и прочее. Я учёный, был им всегда и остаюсь им и сейчас.

Как оказалось, бозон имеет свойство, имеющее отношение и к так называемому информационному полю. Поток бозонов создаёт несимметричные участки полей, отрывки. И эти участки есть повсюду, они совершенно автономны и никак не связаны между собой. И первейшее их свойство – они необычайно устойчивы, не смотря на то, что потоки бозонов неоднородны и энергетически колеблются постоянно. Вероятно, это связано и с тем, что относительная скалярная масса бозона к фотону огромна.

Она просто чудовищно огромна, молодой человек!

Тогда мы с Бекманом создали математическую модель такого участка и ввели данные в компьютер. Мы хотели посмотреть, как будет выглядеть поле эмпирически, увидеть его как бы «воочию».

Речь Павла Юрьевича уже стала плавной, окончания слов проглатывались иногда.

– И мы увидели. Компьютер показал, что внутри участков происходит волнение, порождающее завихрения – турбулентность. Это не укладывалось в теорию Хиггса, и тогда мы и решили создать сканер, чтобы собрать, «поймать» эти возмущения и дешифровать алгоритмы в отдельных точках, если это можно так назвать. Тогда, глядя на картинку, рисуемую компьютером, мне показалось, что во всём этом есть какой-то смысл.

Нам так и не удалось довести опытную модель сканера до рабочего состояния.

Бутылка была почти пуста.

Андрей открыл дверь на балкон и достал сигарету, слушая в пол-уха бормотание Казанкова – что-то про индифферентные сгустки, про изменчивость скорости света, про слипание фотонов... Через пять минут речь стала тише и совсем смолкла.

Скульптор спал, уткнувшись лицом в буханку хлеба, пьяный вдрызг.

Андрей тихонько вышел на улицу.

Говорят, что русский мат несёт в себе особую энергетику.

Только ли мат?

Однажды сказанное слово, произнесённое вслух, написанное на бумаге или появившееся в памяти компьютера, блуждающее по всемирной сети Интернета, беспечно и бесцельно летающее, как сорванный с дерева осенний листок – уже ли мертво оно? По закону сохранения энергии энергия не исчезает, она лишь перетекает из одного вида в другой.

Мы вкладываем в разговор свою частичку души, свою неповторимую личную энергетику. Наша речь окрашена эмоциями, наполнена чувствами. Слово – это не пустое сотрясение воздуха, но если оно однажды вылетает – никто не в силах его поймать и водворить на исходное место.

Слово – особый вид информационной энергии, который лишь перетекает из одного вида в другой.

Но никогда не исчезает бесследно.

Подал голос мобильник.

– Андрей, ты где?

– Примерно в Алтуфьево.

Лерка противно помолчала.

– Давай приезжай ко мне.

Ух ты! Побывать у Лерки дома – мечта каждого холостяка и каждого женатика.

– А что случилось?

– Тебе домой нельзя.

– Почему?

– Ох, тут такое (матом). Я в редакции сижу, слушай. Кабинет Ягуарыча уже занят, прислали тут (матом). Ну, и приходили в штатском, я узнала – по твою душу. Уехали на твою хазу. Ты едешь (матом)?

– Пока стою.

– Давай быстрее, я уже еду.

Она назвала адрес.

Это только в кино герои-любовники лихо сигают из окон своих квартир, саданув по преследующей полиции из гранатомёта, нимало не заботясь о том, где же они будут жить при этом. Легко бросают отчий дом, скарб и прочее, без особого напряжения колесят по миру в поисках приключений...

Андрею стало страшно, его настигло ощущение дикой опустошённости, безысходности. Да что там – его охватила тихая паника. Засосало под ложечкой, сердце забилося в диком танце.

Что же произошло?

Ах да, он сбежал из квартиры на Тихонова, в него ещё стрелял опер... Видимо, они всё же решили его задержать, в связи с этим. В связи с чем? Да, в связи с тем, что он там увидел – ничто другое не приходило в голову.

Нет, эта причина была просто смешная.

Он сам пока не знал, что же он там видел такого особенного, за что неким силам было вот так просто позволено лишать его нормального течения жизни.

...Андрей остановил машину за три дома от нужного ему номера, втиснул её между автобусом и знаком, запрещающим остановку, и уже пришёл в себя – час езды успокоил нервы. Он направился к дому Лерки, на ходу набрав городской номер соседки по этажу.

– Тётъ Маш, это я. У меня к вам просьба. Забегите ко мне и заберите Вареника к себе. Нет, нет, ненадолго. Я приеду завтра, а вы... Вы же знаете его, он смирный. Спасибо огромное, тётъ Маш!

Чейз отдыхает.

Андрей вошёл в парадное.

Мраморный пол, алебастровая лепнина, бронзовые плафоны, полированный дубовый стол, за которым сидел консьерж в синей форме.

– Вы к кому, молодой человек?

Мда, Лерка рулит.

– Мне... Я к... (он назвал фамилию).

Консьерж вызвал лифт.

– Вам на седьмой этаж.

У Андрея не было консьержа в доме. Да, он бывал в богатых домах по работе, и бывал в особняках, цена которых вместе с содержимым переваливала за несколько миллионов баксов.

Впрочем, безразлично.

На площадке были две квартиры. Едва Андрей ступил на площадку, как одна из дверей открылась и в проёме появилась Лерка собственной персоной. На ней был шёлковый длинный халат.

– Ты где машину оставил?

– Да... Дома за три отсюда.

– Молодца. Проходи, перец.

Нет, это не квартира – это гнездовище стервы.

Огромный зал с шикарной немногочисленной мебелью, огромная же кровать-диван посередине, китайские рамки, отделяющие зону кухни, приступка-подиум с большим зеркалом, столик для косметики. У противоположной стены – витая лестница на второй этаж. Столик ломился от коробочек, флакончиков, пузырёчков и бутылочек. Телевизор висел на стене.

– Куртку снять бы где...

– Там, – Лерка махнула на одну из дверей, которые он не сразу заметил. Андрей дёрнул за ручку-пумпочку одной из них – это была ванна, похожая на бассейн. Он дёрнул за вторую – там оказалась комната-шифоньер.

– Лерк, ты же вроде не зарабатываешь столько?

– Чужие баксы считаете, юноша? Садись давай, я кофе сварила.

Андрей отхлебнул – кофе был молотый, настоящий.

– В общем, он решили, что гулять тебе на свободе не резон.

– Да откуда ты взяла?

– Ммм...Понимаешь, кабинет Ягуарыча теперь не пустой. Там Кузьминский теперь. Ну, я выбрала секундочку, и вытянула из него всё... Не сбивай меня, это к делу не относится.

Я тебе факты – они приезжали, двое в штатском. Кузьминский говорил с ними о тебе, и они уехали. Но сначала они выгребли всё из твоего стола в кабинете, даже скрепки забрали (матом).

– Подожди, подожди! Я сейчас...

Андрей достал сотовый, но Лерка хмыкнула и покачала головой.

– Звони с моего – на, держи.

Он снова набрал номер тёти Маши. Из её рассказа он понял, что случилось всё же именно так, как и говорила Лерка. В сопровождении участкового его квартиру вскрыли. И сейчас, скорее всего, будут искать его машину.

«Раз, два, три, четыре, пять – меня ищут искать...»

Капитан Махов вылез из машины – экспертная группа была уже на месте.

– Ну, показывай, Коля.

Коля – молодой опер, захлопнул дверцу за шефом и повёл его к месту. Весь квартал был перекрыт машинами «гаишников».

Прямо посреди проезжей части было это чёртово пятно, диаметром в полтора десятка метров. Пятно инея, самого настоящего, зимнего. По краю этого пятна люди из экспертной группы делали замеры.

– Виктор Сергеевич, температура достаточно большая, то есть низкая я хотел сказать – минус пятьдесят. Даже асфальт поменял структуру.

– А вы не проверяли – может здесь идут коммуникации? – сказал Махов, и тут же сам отринул эту мысль. Мда...

– В центре – здесь напротив, плюс шестьдесят четыре. Никогда не видел ничего подобного. Но всё достаточно быстро приходит в норму – мы предположили, что имела место точечная разовая аномалия.

– Какая аномалия? Чего аномалия? – Махов был раздражён.

Зазвонил сотовый, и он отвернулся.

– Я на месте... Я всё понял.

Он спрятал телефон во внутренний карман плаща.

– Так, Коля, Димченко, сворачивайте всё. Коля, пусть гаишники ещё подержат с полчаса, а потом откроют.

Коля, пожав плечами, набрал номер начальника гаишников. Приказы не обсуждались.

Две машины – оперативников и «газель» экспертов – развернулись и уехали.

Пятно инея уже начинало сужаться, его температура быстро повышалась. Иглы изморози, извиваясь, качались из стороны в сторону – правда, это было трудноразличимо.

Это напоминало некий танец.

Андрей остался у Лерки.

В таких ситуациях разыгрывается фантазия неудержимо, и он никак не мог уснуть. Диван был необъятный, как футбольное поле, в будуаре висел стойкий запах Леркиной косметики, он обволакивал и душил. Одна эротическая картина сменялась другой, к ним примешивались тревоги по поводу сложившейся ситуации. Какой там сон?

Лерка ушла спать на второй этаж, там была маленькая спальня. Интересно, какая у неё спальня? Наверно там кружавчики-рюшечки и прочая женская умопомрачительная дребедень.

Под утро удалось забыться коротким сном.

Она его разбудила. На плите уже шипела турка с кофе.

Андрей встал, кутаясь в плед, предоставленный ему в качестве одеяла. Рамки с полупрозрачными панелями были сдвинуты, и он видел, как Лерка режет хлеб на доске у плиты. На ней был халат чуть длиннее его рубашки.

Ему стало неудобно. Андрей нашёл джинсы и одел их под одеялом. Хоть бы она не заметила...

– Вставай, журналюга. Тосты, вот ветчина, сыр. Что ты любишь?

– Да я... Не, да всё равно. Я всё люблю. И если можно – без хлеба.

– Ты что, талию блюдёшь?

Он натягивал рубашку.

– Иди в ванную, а я кофе налью.

...Они лежали на диване, кофе остыл. Так бывает, когда внезапно чувства захлёстывают с головой, и всё происходит как под током, под высоким напряжением, и все фантазии воплощаются. Лерка была не просто восхитительна, она была неземная, это был секс с инопланетянкой.

Потом они ели, ели бутерброды жадно, запивая холодным кофе, и Андрею казалось, что никогда в жизни он не ел такой вкуснятины – ветчины и сыра.

– Мечта мужчины – секс на кухне, а женщины – завтрак в спальне. Я думаю, Дрюш, что мы совместили с тобой.

Она запустила руку в его волосы, и попыталась поцеловать.

– Слушай, а где твой муж?

– Что? Кто?

У неё началась истерика. Она смеялась залиvistо, долго, до икоты.

– Муж? Ха-ха-ха... Какой муж, Андрюш? Мой муж давно объелся груш, нах! Но ты прав, конечно. Был когда-то, в детстве. Полный ублюдок. Но тебе лучше не знать эту историю.

– Почему?

Лерка голая перевернулась на живот и потянулась за пачкой сигарет. Прикурила и села рядом с Андреем.

– Так, знаешь, вышла ошибка молодости. Убила я его.

– То есть?

– Всё очень просто. Мы тогда жили в Саратове, я училась на журфаке. Этот алкоголик допился до чёртиков, ну и стал руки распускать. Я его ударила кухонным ножом. Удар оказался смертельным, какая-то сонная артерия. Суд посчитал – убийство в состоянии аффекта. Потом был ещё один.

– Тоже убила?

Она скосила смешно глаза.

– Сама ушла. Да чёрт с ними, с мужьями. Хочешь, я тебе стихи читаю?

Андрей посмотрел на неё, это было уже слишком.

– Валерия, тут всякое говорят... Ну, что ты увлекаешься поэзией. На сайте Стихи.ру пропадаешь. Для меня это чересчур...

– Стихи будут – о любви, о любви...

Она прижалась к нему, и снова стены поплыли в радужном сиянии...

...Как алкоголик выжимает из кота, упавшего в ванну с водкой, всё до последней капли, так Лерка всё выжала из него. Искушенный, поцарапанный Андрей снова упал в сон...

Он проспал недолго – может, час, или меньше.

...Лерка стояла над ним, возбуждённая, одетая в джинсы и свитер.

– Быстро одевайся!!!

– Что?

Звонок входной двери надрывался.

– Да иду уже, ну кто там ещё?– она, притворно меняя тон, подошла к двери.

– Это я, Валерия Михайловна, консьерж. Откройте...Тут к вам...

На экране монитора, подсоединённого к камере над дверью, стали различимы фигуры людей – консьержа, и с ним – двоих, незнакомых. На заднем фоне стояло ещё двое, в камуфляже и касках.

– Ну что такое? Я не могу открыть, я из ванной. Приходите позже.

Она пыталась тянуть время, приложила ухо к двери. Ей удалось расслышать кроме шорохов и чей-то голос:

– Коля, пластид...

Лерка рванулась от двери, в комнату и, дёрнув за ручку окна, открыла его настежь.

– Быстрее, вылезай! Там, слева, есть окно пожарного выхода.

– Ты что, с ума сошла? Седьмой этаж...

В её руке блеснул хромированный ТТ.

– Лезь быстрее, сказала! Они сейчас дверь сломают!!!

Андрея затрясло. Он шагнул на подоконник и увидел, что между седьмым и шестым этажами снаружи был довольно широкий карниз. Стараясь не смотреть на крыши машин, мелькающих внизу, он вцепился в откос и сделал шаг влево.

В прихожей оглушительно грохнуло, и ярко-синий дым заполнил Леркин будуар. Железная дверь слетела с петель.

Андрей увидел, как её рука высунулась из окна в поиске опоры – он дал ей свою.

Несколько раз подряд без промежутков она выстрелила по нападавшим – у Андрея моментально заложило уши.

Она уже успела выскочить на карниз, когда прогремела ответная очередь – пули вспороли оконную раму, разнося её в щепу. Стекло сорвалось и беззвучно полетело вниз.

– Суки, – Она уже влезала вместе с Андреем в окно пожарного выхода. Они побежали вверх, на лестничной площадке Лерка оглянулась – в проёме окна показался силуэт – она выстрелила, не целясь.

Через два этажа они попали в выходную будку, которая вела на крышу. Её дверь была не заперта.

– Быстрее же давай, это ФСБшники!

Они побежали по крыше и нырнули в следующую дверь. Вниз бежать было легче. На втором этаже Лерка свернула на межквартирную площадку и, подскочив к окну, открыла его. Прыгнула.

Андрей выглянул – там была крыша сторожки паркинга.

– Давай, ну же! – она махала ему пистолетом.

...Лерка уже заводила чёрный БМВ кабриолет и накрывала крышу, когда подбежал Андрей.

– У тебя же Тойота?

– Да садись уже, блин, пинкертон.

Машина рванула с места, визжа резиной.

В проёме выезда маячили фигуры в касках, шлагбаум был закрыт. Лерка нажала на педаль и планка шлагбаума, отломившись у основания, подлетела вверх, ударившись о потолок.

В след затакал автомат.

Провинциалу движение по московским дорогам кажется чем-то диким, поскольку оно имеет одну особенность. Если пробок нет, то транспорт движется с такой скоростью, с какой позволяет это делать общий поток. Сто, сто двадцать, сто сорок – ограничений нет, а заторы и задержки неизбежны только на отдельных, непредсказуемых участках, и всем нужно спешить делать эти чёртовы деньги.

Они двигались по Ленинградке относительно быстро.

– Куда? – спросил Андрей, закуривая.

Лерка помолчала с полминуты, потом одной рукой нашарила на заднем сиденье кожаную куртку.

– Надевай.

Куртка оказалась мужская. Раньше Андрей не придавал бы этому значения, но сейчас он почувствовал что-то наподобие ревности.

– А откуда у тебя это? – он указал на ТТ.

– А, это... От деда остался. Когда он умер, я вытащила его из шкафа и спрятала. Потом маме пришлось объяснение писать в органы, об утере. Проехали.

– Не идёт он тебе. Тебе что-нибудь изящное, дамское, в сумочку.

Она скосила на него глаза.

– Ой, Андрюш, скажешь тоже – дамское. Эта штука «броник» пробивает. И что бы мы сейчас делали с дамским этим, тьфу?

– А, ну да. В другие дни ты его тоже используешь. Ну, в магазине, в спорт клубе, в парикмахерской...

– Зря смеёшься. Я одна передвигаюсь, между прочим, и во всякое время суток.

– Так все передвигаются, не ты одна, – Андрей не унимался.

– Я – не все.

Она посмотрела ему прямо в глаза, и Андрею почему-то сразу расхотелось приставать к ней с вопросами.

– Едем к одному надёжному человеку.

Они повернули на Садовое кольцо в сторону Кутузовского проспекта, потом на Пировскую. Андрей начал соображать быстрее.

– Лерк, я думаю, что это мёртвому припарки.

– Ты думаешь? Посмотрим.

– Что за человек твой надёжный?

– Так, один знакомый. Замуж за него собиралась, но вовремя одумалась.

– Хм... И кто это?

Она назвала фамилию. Фамилия была не то, что слишком известна – это буквально шокировало Андрея.

– А ты часом не врешь?

– Не бери на понт, Андрюш.

– Синьора, смотрите на дорогу. Нас, кажется, ждут.

Поперёк улицы стоял грузовик, перед которым гаишник помахивал жезлом. У второй машины, припаркованной у обочины, Андрей заметил омоновцев с автоматами. Все его предчувствия подтверждались – их не собирались отпускать так быстро.

Лерка, грязно выругавшись, виртуозно развернула «Бэха», вписавшись между встречным потоком и фонарным столбом.

– Пристегнись, или держись крепче, блин.

Они понеслись по осевой назад, к Садовому кольцу. «Бэха» чуть не задевала зеркалами за попутные и встречные – поток в этот час уже нарастал. В зеркало заднего вида она увидела, что за ними приклеилась машина милиции, но дистанция была большая, и она увеличивалась.

– Давай к центру, к метро.

Им удалось оторваться. Они бросили машину в переулке, недалеко от выезда, и побежали к метро. Сотовый телефон он отдал Лерке, и она тут же зашвырнула его в мусорный бак – вместе со своим.

Прямо перед входом в подземный переход остановился рейсовый автобус, и она сходу втащила Андрея в открывшиеся двери.

– А метро?

– Нельзя, это ещё хуже, чем машина. Там кругом камеры, нас засекут ещё в холле.

Автобус медленно плыл в потоке машин, пассажиров в нём было всего несколько человек. Печка работала.

Андрей успокоился.

– Слушай, у меня идея.

– Какая?

– Давай заедем в Алтуфьево, к одному человеку. Я с ним познакомился вчера, думаю, что это безопасно. У него наверняка есть сотовый, и мы потянем время. Если удастся, заночуем у него. В этом случае время сработает на нас, и тогда можно будет без опаски двигать к твоему олигарху.

Она подумала с минуту, не больше.

– Ладно.

Они вышли на конечной остановке – здесь была пересадка на другой маршрут...

Ребёнок всегда пугается чего-то непонятного, не укладывающегося в крохотные рамки его мирка. Но позже страх уступает любопытству, заложенному природой – для познания нашего большого мира, для расширения его узких рамок... Осторожное робкое познание. Он всегда готов отпрянуть, испугаться, но что делать с жаждой знаний? – она заставляет его вновь пристально всматриваться в опасность, затаив дыхание...

Человек шёл по пустыне, повязав рубашку на голову. Пологие барханы уходили в бесконечность, не вселяя надежды на благополучный и скорый конец движения. Иногда он чувствовал едва заметное жаркое дуновение ветра. Песчинки перекатывались, создавая тихий звук, напоминающий гудение пчелы. Песок был синего цвета, как медный купорос. Или как дроблёный сапфир. Нет, скорее сапфир – интуитивно человек предполагал, допускал их значительную физическую твёрдость. Они переливались на солнце искорками, а склоны барханов с одной стороны были покрыты белёсым налётом.

Попадалась растительность – тёмно-зелёная лианообразная трава, побеги её тянулись на десятки метров, оплетая холмы, иногда они полностью покрывали их верхушки.

Он пробовал оторвать часть стебля. Примерно через каждые полметра вглубь синего песка уходили твёрдые древовидные корни, а сам стебель внутри был губчатый и без каких-либо признаков влаги. Спустя несколько минут оторванная часть рассыпалась на мелкие зелёные пластины сама собой.

Путник шёл уже несколько часов.

На очередном холме он заметил какое-то движение. Поднимая фонтанчики песка, на вершине появился зверь. По виду он напоминал опоссума с ослепительно белой шерстью. Шерсть сильно фосфоризировала.

Зверь издал звук – такой издают голодные коты, и рядом тотчас появился второй зверь, точно такой же.

Человек стал подниматься на бархан, на котором он увидел зверей. Они затеяли возню, визжа и бегая друг за другом, но при приближении человека с быстротой молнии оба зарылись в песок.

На поверхности остались лишь едва заметные следы их лап.

Хотелось пить.

С вершины бархана можно было осмотреть местность, что и сделал путник. Невдалеке он увидел скалу, выступающую из песка, издали напоминающуюobelisk.. Он без особых надежд побрёл к ней.

...Дождь – если это можно было назвать дождём – начался неожиданно. Ничто не предвещало морось, а тем более ливень, небо было чистое, без единого облачка. Он почувствовал, что в пустыне произошла перемена. В воздухе залетали мелкие мошки – нет, не мошки. Это

было что-то непонятное, как сухие упругие гранулы под цвет песка. При ясном небе вскоре стало невозможно различать всё вокруг, и контуры барханов лишь угадывались.

Струи дождя понеслись параллельно земле, при этом огибая холмы, словно кто-то огромный и невидимый направил брандспойт над песками. Человек пошёл быстрее, спустя мгновение побежал. Побежал в сторону скалы, укрываясь руками от потоков песка и воды, сбивающих с ног.

Вскоре песок ожил. По нему змеились ручьи, собирались в бурлящие потоки, превращая пустыню в некую взвесь голубой грязи и воды. Когда человек добрался до края скалы, вода уже доходила ему по пояс.

Скала оказалась большой, она имела в поперечнике метров двадцать. Он взобрался по её пологому краю и оказался на площадке в нескольких метрах от песчано-водяной каши. По воде плыли какие-то мелкие зверьки, размером с мышь, они выбирались на край и залезали выше, задевая мокрыми хвостами за ноги.

Он подставил ладони под струи, и, подождав, когда скопится влага, стал пить. Вода имела сладкий вкус.

В волнах играли "опоссумы", они выскакивали над водой и ныряли. На их задних лапах можно было различить перепонки.

Дождь закончился через полчаса. Вода, уходящая сквозь песок, сделала своё дело – пустыня превратилась в плоскую равнину, но идти по ней без риска провалиться было невозможно. Человек решил выждать.

И это решение его спасло.

Внезапно мокрый песок вздыбился тёмным холмом, раздался шипящий звук. Словно огромный червь, какой-то невидимый житель песчаного нутра вспорол поверхность, проползая под ней и создавая синие буруны. Он двигался быстро, меняя направление, и по предположению мог быть диаметром до двух метров.

Вскоре всё видимое пространство покрылось следами от движения этих тварей, как грязное дно лужи после дождя. Из-под бурунов песка выскакивали опоссумы, с громким криком устремляясь в сторону скалы, но добраться сумели немногие. «Черви» настигали их.

Действо длилось несколько десятков минут – и пустыня снова обрела твёрдость. Задул ветер, он быстро высушил остатки влаги.

На горизонте, уже не скрытом барханами, человек увидел Горы.

Андрей плохо знал этот район, и номер нужного им маршрута пришлось узнавать у уличного торговца.

Добрались всего за полтора часа, двадцать минут из которых ушло на пробку в районе Нахимовского проспекта.

Павел Юрьевич был дома.

– Андрей, что же вы ушли тогда? А я, понимаете, кинулся – и никого.

Казанков стоял в дверях в семейных трусах и в майке.

– Павел Юрич, вы заснули...

– Ах, да, да. С непривычки, знаете. Давно не пил водку. Всё в основном вино, здесь на углу, такое...

– Вы оденьтесь лучше.

Скульптор, сощурившись, всмотрелся в темноту подъезда – там стояла Валерия. Охнув, он суетливо бросился вглубь комнаты.

– Проходите ради бога! Сию минуту я...

Они прошли на кухню. Вскоре появился сам скульптор – на нём были дырявые «треники» и клетчатая рубашка. Рассмотрев Валерию, он смущённо затоптался на месте.

– Павел Юрьевич, это Валерия. Она моя давняя знакомая.

– Очень приятно. Павел Юрьевич Казанков, инженер.

– Павел, у нас к вам просьба. У вас есть сотовый телефон?

– Нет.

Это было неожиданно. Наступила пауза.

– У Варьки, у Варьки есть. Сейчас я...

Скульптор, шаркая рваными тапочками, направился в коридор.

– Варвара! Варвара, блин, курица!

Послышался звук открываемого замка, хлопнула дверь.

– Чаво надо, чаво? – вероятно, это ответила Варвара.

– Ну-ка, дай телефон этот.

– Ну да, щас! Разогналась.

– Ну, дай, дай, гости у меня.

– Не дам. Мне Галка туда денег не клала ишо.

– Не жмоться, я потом тебе принесу. Мне Митрич отлил, этого.

Скульптор вернулся – в руке его был зажат мобильник.

Лерка ушла в коридор, звонить. Андрей повернулся к Павлу Юрьевичу, протягивая купюру.

– Павел Юрьевич, не сочтите за труд – вы знаете лучше меня, где тут хороший магазин. Может, продуктов каких, и сигарет...

– Ах, конечно! Я – мигом. Я уж и сам хотел спросить, да неудобно.

Он схватил куртку и – почти бегом – скрылся за дверью.

– Я дозвонилась. Он уезжает сегодня вечером, но нас впустят в дом, прислуга предупреждена. Мы сможем провести какое-то время в его доме, но что делать потом – ума не приложу.

Лерка стояла в дверях кухни, вертя мобильник в руке. ТТ был засунут за пояс и выпирал под прикрывающим его свитером. Она волновалась.

Андрей соображал медленно, взвешивая сложившуюся ситуацию. Она казалась безвыходной и жуткой, поскольку в ней было непонятно всё – от причин, её породивших, до течения событий за последний час. За ним – а теперь и за Леркой – охотились представители власти, это уже стало сейчас очевидным фактом. Смутные подозрения терзали его и относительно самой Лерки – он ожидал от неё всё, что угодно – истерик, страха, бегства, подчинения властям – ФСБшникам, непонимания, но только не того, что собственно она сделала. А она открыла стрельбу, как в заправском боевике, и вот думай тут что хочешь. Мата Хари. Он снова и снова перебирал в памяти обрывки всех фактов.

Да, он что-то видел в том доме на Тихонова, но всё равно не мог взять в толк – как увиденное могло спровоцировать весь этот кошмар? Хотя содержимое флешки подвигало к пониманию, но пока ещё об этом содержимом, как о криминале или как о каких-то государственных секретах говорить было рано. Незасекреченные незрелые научные гипотезы... В квантовой физике Андрей смыслил на уровне школы.

Вернулся Казанков. Он умудрился на тысячу скупить почти весь этот левый ларёк – не забыта была и литровая бутылка водки, явно хорошего качества, в отличие от съестных продуктов. В предвкушении гастрономического праздника у него светилось счастьем лицо.

– Андрей, а знаете, я был уверен, что вы вернётесь. Мы с вами не договорили тогда. Ну, вы помните – о генераторе ЕТТ.

Женщины почему-то называют пирожные, конфеты, плюшки и леденцы едой. Лерка выудила из пакета какой-то сладкий рулетик с маком и, откусив, задумчиво спросила:

– Генератор ЕТТ? Что это?

Андрей вкратце рассказал о встрече, произошедшей накануне, интуитивно умолчав о найденной флешке – несколько это было возможно. Скульптор же изредка с воодушевлением вставлял фразы, где требовалось объяснение чисто научное.

– Нда, интересно. Павел Юрьевич, вот вы сказали, что сам прибор не был изготовлен.

– Я этого не говорил. Я сказал, что с Бекманом у нас ничего не получилось – это правда. Потому что мы не совсем понимали, что собственно должно быть. Меня осенило позже, много позже. И сам прибор, как вы говорите, оказался конструктивно весьма не сложен.

– И что же?

– Я его изготовил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.